

Священник Игорь ЭКОНОМЦЕВ

КРЕЩЕНИЕ РУСИ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

То, что Крещение Руси содействовало укреплению внешнеполитического положения древнерусского государства, ни у кого не вызывает сомнений. Все исследователи, каких бы исходных концепций они ни придерживались, признают это а priori и не особенно даже стараются аргументировать.

В самом деле, представляется очевидным, что принятие христианства означало вхождение Руси в семью европейских христианских народов, повышало престиж государства и доверие к его внешнеполитическим акциям. Христианство способствовало укреплению великокняжеской власти, упрочению связи между всеми частями государства¹, его внутренней стабильности и, следовательно, военной и политической мощи. Хотелось бы обратить внимание еще на один важный аспект, который часто упускается из виду исследователями: христианизация Руси подняла нравственный потенциал русского народа, столь необходимый для выполнения им его исторической миссии внутри многонационального государства и на международной арене. С введением христианства наша страна получила широкий доступ к накопленным человечеством знаниям, в том числе знаниям историческим, политическим, естественнонаучным (не будем забывать, что Византия, откуда мы приняли христианство, была самой образованной страной того времени) — а это не могло не иметь позитивных последствий для Древнерусского государства. Наконец, по словам В. Т. Пашуто, «церковь в лице митрополита, епископов, священников, паломников стала влиятельным элементом и внешней политики и самой дипломатической службы»².

Принятие христианства, однако, не только сыграло выдающуюся роль в укреплении внешнеполитических позиций Киевской Руси, оно оказало глубокое влияние на характер и направленность внешней политики государства, что не менее важно, а может быть, и важнее, потому что это влияние пережило киевскую эпоху, пережило период удельной раздробленности и чужеземного ига, пережило все спады и подъемы и продолжает — вот что самое удивительное! — жить и действовать до сих пор.

В жизни нации ничего не бывает случайного. Мы видим в этом проявление Промысла Божия, который, конечно, не отменяет воздействия на судьбы народов политических, экономических, климатических, биологических и других факторов, но действует через них. Здесь, в этом докладе, у нас нет возможности и необходимости рассматривать всю совокупность факторов, обусловивших формирование русской нации. Отметим лишь некоторые из них. Первый важный момент — это находж-

дение между Западом и Востоком и связанная с этим постоянная подверженность перекрестному влиянию различных цивилизаций, оказавшемуся плодотворным для духовной жизни и культуры русского народа. Вместе с тем это обстоятельство неоднократно создавало критические моменты нашей истории, мучительную проблему выбора и вполне реальную угрозу раскола нации. Второй важный момент — нахождение между лесами и болотами Северо-Запада и бескрайним открытым пространством Юго-Востока предопределило преимущественную обращенность Руси к последнему. Там, сменяя друг друга, как в калейдоскопе, рождались и гибли богатые и утонченные торгово-земледельческие цивилизации и там же, разрушая их, подобно смерчу, проносились орды диких кочевников. Максимальная военная угроза для Древней Руси исходила именно оттуда. В этом отношении в ее судьбе удивительно много общего с Византией. Установление контроля над степью, уходившей от низовий Дона и Волги к Каспию и Уралу, стало для Руси главной национальной задачей, от разрешения которой зависела ее судьба как государства и нации.

Воздействие указанных факторов на русскую историю восходит к глубокой древности. Можно сказать даже, что пролог драмы был разыгран еще в эпоху праславянства. Мифологический и археологический материал не оставляет сомнений в наличии устойчивых религиозных и культурных связей наших предков с народами Средиземноморья во времена героев Гомера. Культы Аполлона и Артемиды, ареал которых охватывал Грецию, Италию, Малую Азию, Ближний Восток и Египет, загадочным образом связаны с зоной расселения праславян. Оттуда на остров Делос в храм богини Лато (славянская Лада) ежегодно направлялись священные дары. Поразительное сходство с греческими, ближневосточными и египетскими божествами обнаруживают славянские Род, Сварог, Дажьбог, Перун-Громовержец, Велес, Макошь. Это сходство, свидетельствующее о существовавшей некогда единой системе религиозных представлений на огромном пространстве Европео-Азиатского континента и Северной Африки, ясно сознавали на Руси еще в XII веке³.

Для нас этот фактор чрезвычайно интересен в том отношении, что вскрывает вектор интересов (идейных и, вероятно, торгово-экономических) наших предков в эпоху, отдаленную от нас более чем 3000-летиями. Не забудем, что этот вектор показывает на юг и восток.

В XIII—V вв. до Рождества Христова западная половина праславянского мира оказалась вовлеченной в процесс формирования так называемой лужицкой культуры, «закваска которой, по всей видимости, была кельтско-иллирийская»⁴.

Развитие восточной половины шло более самобытно при сохранении общей ориентации на юг и восток. Тогда же появились предпосылки разделения на две ветви единого славянского племени. В IX—VIII вв. до Рождества Христова восточные славяне, приняв на себя удар степняков-киммерийцев, по-видимому, впервые столкнулись с разрушительной силой Востока. К этому времени относятся и первые попытки с их стороны установить контроль над степью путем сооружения оборонительных укреплений. С VI в. до Рождества Христова восточное славянство оказывается в сфере интенсивного политического и культурного

влияния скифов, что углубило начавшийся процесс разделения славян. В эпоху великого переселения народов по югу современной Украины прокатываются волны степных народов.

Развитие племен, вошедших в состав русской нации, происходит как будто по сценарию, по которому развивалось до этого славянство в целом. Уже на заре формирования Южного русского государства со столицей в Киеве мы видим его в политической зависимости от Хазарского каганата. Общий вектор интересов остается прежним — это юг и восток, но он раздваивается. Две великие реки Восточно-Европейской равнины. Днепр и Волга, дают основные направления русской политике. На первоначальном этапе русской истории доминирует Днепр, который есть проторенный, традиционный путь к Греции и Средиземноморью, а теперь к христианской Византии и к христианству. Волга и ее притоки, значение которых в русской нации все больше и больше возрастало, вели к мусульманскому Востоку. По этой артерии вместе с товарами продвигали ислам и иудаизм. Одновременно усиливалась вовлеченность северных русских земель с центром в Новгороде в сферу, главным образом, торговых отношений с Северо-Западной Европой. Путь из варягов в греки сохранял, правда, для Новгорода доминирующее значение, но сепаратные интересы (с учетом анклава мусульманского влияния, распространявшегося по Волге и ее притокам) создавали реальную угрозу расщеплению русской нации на две части.

В свете вышеизложенного политические задачи, стоявшие перед Русью IX—X вв., заключались, во-первых, в создании единого государства, которое решающим образом содействовало бы завершению процесса формирования единой нации, во-вторых, в сознательном выборе своего места в системе цивилизованных государств и, в-третьих, в определении главных угроз и сосредоточении внимания на их отражении.

Процесс собирания восточнославянских племен под единой княжеской властью с помощью военной силы, как известно, начался еще в дохристианскую эпоху. Св. князь Владимир в первый период своего правления попытался использовать для укрепления единства религиозный фактор. Он реформировал древнеязыческие культы, учредив государственную религию с пантеоном богов во главе со славянским Зевсом — Перуном. Но этот княжеский бог и эта государственная религия оставались для народа такой же внешней силой, какой была княжеская дружина. Только принятие христианства привело к возникновению прочных внутренних связей в государстве на всех уровнях и, главное, на уровне клетки государственного организма — отдельной личности. И вот удивительный результат — не прошло двух-трех поколений, и эпоха полян и радимичей, вятичей и словен осталась позади. Наступила эпоха единой русской нации.

Создание русской государственности неизбежно ставило вопрос о ее месте среди других государств. С западными соседями у Руси проблем не существовало. Поляки и чехи были заняты взаимоотношениями с немцами. Венгры рвались к югу, к Адриатике, а на достижение этой цели, так и оставшейся не реализованной, но приведшей к их многовековой борьбе с балканскими народами, они потратили свои основные силы и ресурсы. Русско-скандинавские связи сводились, по существу, к взаимоотношениям с предводителями варяжских отрядов.

Наиболее развитый благотворный характер носили отношения Руси с Византией. Анализ статей русско-византийских договоров 907, 911 и 944 гг. свидетельствует не только о широких торговых связях, но и устойчивой традиции обмена посольскими миссиями. «Да егда ходим в Греки или с куплюю или в солбу (то есть с посольством.— И. Э.) ко цареви вашему...» — как о чем-то обычном говорится в одной из статей договора 911 года⁵.

Это же подтверждает и детальная регламентация условий приема и содержания посольств, включающая в себя обязательство византийского правительства обеспечивать безопасность послов, предоставлять транспорт, продовольствие, кров, «мовь (т. е. баню), елико хотят»⁶, что предполагает существование длительной предшествующей практики двусторонних дипломатических отношений. Договоры 907 и 944 гг. включали в себя положение о выплате Руси «укладов», то есть постоянной дани, которую Византия выплачивала вассалам или союзным государствам за оказание ей военной помощи. И в самом деле, после подписания договора русские отряды принимали участие в военной экспедиции в Византию против арабов на Крите⁷. В 909—910 гг. и 912, 913 гг. они нанесли удар арабам Закавказья. Союзные действия Византии и Руси имели место в 30-х годах III века, в 945 г. (через год после договора 944 г.) и 949 г. В 954 г. руссы вместе с болгарами и армянами сражались на стороне Византии с войсками сирийского эмира. В 60-х годах русские участвовали в экспедиции византийского флота к берегам Крита и Сицилии⁸.

Главный смысл договоров 907, 911 и 944 гг. в их политическом значении. По мере того как Хазарский каганат все больше попадал в сферу арабского влияния и вместо барьера на пути исламской экспансии становился ее аванпостом, совместные интересы делали Русь и Византию естественными союзниками. Стараясь подчеркнуть свою роль как защитника передовых рубежей Багдадского халифата от русских, современник князя Игоря Хазарский каган Иосиф писал Хасдаю ибн Шафруту: «Если бы я оставил их (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада»⁹.

Необходимость противодействия арабско-мусульманской экспансии и набегам степных народов, обрушивавших свои удары на южную Русь и Балканский полуостров, настоятельно требовала единства действия Руси и Византии. Это был исторический императив. Шаги в указанном направлении, как мы видели, предпринимались. И все-таки позиция Руси не была последовательной. Сохранились сведения о пяти крупных походах русских в Византию, походах, не обусловленных национальными интересами и, более того, наносящих серьезный ущерб этим интересам. Вряд ли нам целесообразно идеализировать мотивы действий русских князей, оправдывая их стремлением добиться признания и «вырвать» у Византии договоры «мира и дружбы»¹⁰. Трудно оправдать их и ссылками на столкновение интересов в Северном Причерноморье. Наступающей стороной здесь была Русь. Вся политика Византии в этом регионе сводилась к тому, чтобы обеспечить *modus vivendi* Херсонеса и небольшого числа других греческих поселений в Крыму с Северной могущественной державой. Договоры 911 и 944 гг., по оценке А. Н. Сахарова, посвятившего их исследованию особую монографию¹¹, отрази-

ли признание греками Северного побережья Черного моря сферой действия Руси.

Таким образом, следует согласиться с тем, что русские походы на Византию носили агрессивный характер. В лучшем случае они были вызваны стремлением получения репараций и даней. Языческая односторонняя жажда материальных ценностей, не сдерживаемая нравственными критериями и помноженная на агрессивность норманских дружинников, не отличавших политику от грабежа, — вот основная причина пяти походов, совершенных Русью на Византию в дохристианский период.

Противоречивость политики Русского государства особенно ярко проявилась в период правления последнего языческого князя — Святослава. Попытки увидеть в его военных акциях тонкую политическую игру, проводимую в национальных интересах, нам представляются бесперспективными¹². Объективно восточный поход Святослава отвечал задаче консолидации русской нации и обеспечения безопасности государства на Востоке. Но при сохранении антихристианской ориентации в политике русского руководства последствия этого похода могли быть труднопредсказуемыми. Целью Святослава был, по-видимому, не столько разгром слабеющей Хазарии, сколько завоевание богатых городов мусульманской Булгарии, в низовье Волги. Они настолько поразили воображение Святослава, что вызвали желание постоянно обосноваться в этих местах. В Киеве, где укрепляло свои позиции христианство, он себя чувствовал неуютно. О холодных отношениях с князем киевлян свидетельствует и горький упрек, брошенный ими в адрес Святослава: «чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив»¹³, и свидетельство новгородской летописи о том, что последний, вернувшись из восточного похода, «приведе кыеву» мусульман — яссов и касогов¹⁴.

Об отсутствии ясной внешнеполитической концепции Святослава и в известной степени сумбурности его политики говорит его балканская авантюра, в которую вовлек его патрикий Калокир, «подкупивший князя дарами, очаровавший лестными словами» и обещавший взамен за содействие в получении Византийского престола «великие, бесчисленные сокровища из казны государственной»¹⁵. Нет нужды доказывать, что Святославом были допущены серьезные просчеты в оценках (если они, конечно, делались) положения в Болгарии и настроений болгарского народа. При очевидных, засвидетельствованных источниками, симпатиях болгар к русским как братьям по крови и языку¹⁶, проявлял себя другой мощный фактор — единство их веры с Византией. Святослав ответил на это репрессиями. 20 тысяч посаженных на кол пленных болгар после взятия Филиппополя¹⁷ — жуткий пример ни чем не оправданной языческой жестокости. Не будем обходить этот факт и игнорировать то, что балканский поход Святослава сыграл трагическую роль в истории Болгарии, не принеся никаких дивидендов Русскому государству.

Принятие христианства существенно изменило характер внешней политики Руси и внесло важные коррективы в ее направления. Прежде всего оно привело к установлению прочных союзнических отношений с Византией, отношений, которые пережили захват Константинополя

крестоносцами и татарское иго на Руси. Единственный военный конфликт между ними произошел в 1043 году. Причины этого конфликта получили различную интерпретацию среди исследователей. Слова Пселла, непосредственного очевидца событий — «это варварское племя всегда питало яростную бешеную ненависть против греческой гегемонии»¹⁸ — дали повод говорить чуть ли не об освободительной борьбе Ярослава против церковнополитической зависимости от Византии¹⁹. По оценке Д. С. Лихачева и В. В. Мавродина, поход Руси на Константинополь в 1043 г. был кульминационным пунктом ее борьбы за культурную, гражданскую и церковную самостоятельность²⁰. Однако, как заметил И. У. Будовниц, слова Пселла *Ἐπί τῃ Ῥωμανίῳ ἡγεμονίᾳ* следует понимать не «против греческой гегемонии», а «против державы Ромеев»²¹. И вполне справедливо указал Н. М. Левченко²², что ни в одном русском источнике нет и намек на то, что империя посягала на политическую самостоятельность Руси, чтобы какой-либо «грек митрополит», хотя бы он являлся «агентом империи» (выражение М. Д. Приселкова)²³, претендовал на заметную политическую роль. Причину конфликта Н. М. Левченко видит в ужесточении позиции византийского правительства по отношению к иностранным купцам в угоду константинопольским торговцам и ремесленникам. Нам представляется, что немаловажную роль в возникновении конфликта мог сыграть русский военный корпус в Византии, ставший своего рода императорской гвардией в период краткого правления Михаила V (декабрь 1041 г. — апрель 1042 г.). Участие русских отрядов в мятеже против преемника Михаила, Константина IX, позволяет говорить о вмешательстве русских (а не греков) во внутренние дела союзной державы. На эту же мысль наводит и сообщение Скилицы о прибытии в Византию с военным отрядом родственника русского великого князя некоего Хрисохира, по-видимому, вынашивавшего планы государственного переворота²⁴. И хотя в полной мере причины шестого, и последнего, русского похода на Византию неясны, мы квалифицировали бы этот конфликт как семейную династическую ссору, ни в коей мере не отражающую сколько-нибудь серьезных противоречий между двумя странами. Из резко негативной характеристики Руси, данной Пселлом под свежим впечатлением «беспричинной»²⁵, по его словам, войны, нельзя делать сколько-нибудь далеко идущих выводов.

Любопытно отношение к походу русских летописцев. Вот как о нем говорится в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду: «и поиде Владимир на Царьград в лодиах. И прошедше пороги, и приидоша к Дунаю, рекоша Русь Владимиру: «Станем зде на поле», а варяги рекоша: «поидем под город». И послуша Владимир варяг и от Дуная поиде к Царьграду свои по морю. Грецы же, видевше, изыдоша на море и начаша погружать пелены Христовы с мощми святых. И Божьим гневом возмутися море, и гром бысть велик и силен. И бысть буря велика, и начашася лодии разбивати. И разби корабли, и побегоши варяги в-спясть»²⁶. Подчеркивание летописцем того момента, что русские не хотели идти дальше Дуная, и объяснение поражения гневом Господним недвусмысленно говорит о неодобрении этой военной акции. После принятия христианства прошло чуть больше полувека, но как много изменилось с тех пор на Руси! Русские совершают действия и

судят о них, ставя во главу угла не материальную выгоду, а христианскую совесть.

В контексте не существовавшего русско-византийского противоборства середины XI века некоторыми исследователями рассматривается вопрос о назначении Илариона Киевским митрополитом²⁷. В этой связи нам хотелось бы заметить следующее: русско-византийские церковные узы с самого начала носили характер добровольного выбора. В случае расхождения в политических интересах, с которыми тесно переплетались интересы церковные, они относительно легко могли быть расторгнуты, как это неоднократно бывало в истории. Но в том-то все и дело, что в этом не были заинтересованы представители государственной власти и Церкви ни в Византии, ни на Руси. Вот почему нам представляется более основательной концепция Анджея Поппэ²⁸, полагающего, что рукоположение Илариона собором местных епископов без посвящения Константинопольским Патриархом было проявлением того движения обновления в византийско-славянской монашеской среде, которое стремилось «вернуть церковным иерархам их моральный авторитет как духовных пастырей» и, таким образом, не было порождено стремлением оторвать русскую митрополию от Константинопольской Церкви.

Единство идеологии, общность духовных и культурных ценностей, совпадение политических интересов в плане отражения угрозы с Востока, а в дальнейшем — экспансии с Запада, сделали Русь и Византию надежными союзниками вплоть до захвата турками Константинополя в 1453 году. Даже те исследователи, которые склонны в негативном свете представлять политику Византии по отношению к Руси, а в митрополитах-греках видят агентов иностранной державы, вынуждены признавать, что константинопольские правители и их агенты ведут себя более чем странно, проявляя постоянную заботу об укреплении национального единства и мощи Русского государства. А когда над Константинополем нависла смертельная турецкая опасность, император и патриарх — пусть некоторым это кажется странным, — неделями занимались, как самой неотложной задачей, проблемой единства русской митрополии, словно сознавая, что именно эта проблема, связанная с будущим православного мира, а не спасения обреченной столицы, требует первоочередных забот. Весьма показательно также, что еще в середине XIV века в Константинополе обратили внимание на динамичных правителей небольшого удельного княжества со столицей в Москве, отдав им решительное предпочтение в их борьбе за создание централизованного Русского государства.

Принятие христианства из Византии означало вступление Руси в сообщество восточнохристианских государств с установившейся иерархической системой и политической идеологией. Центральное место в этой иерархической системе занимал *αυτοκράτωρ ρωμαίων, βασιλεύς* — император ромеев, вселенский царь. Правители прочих государств получали от него, в зависимости от их политического веса и родственных связей с правящей в Константинополе династией, титулы архонтов, князей, стольников и т. д. В своем труде «о церемониях» Константин Багрянородный писал, что к болгарским царям следует обращаться так: «к любезному и вдохновенному нашему сыну — архунту христиан-

ского народа болгар»²⁹. Правители соседних с Византией государств стремились получить максимально высокие титулы от Константинополя и самочинно провозглашали себя царями. Но высшей их целью было овладение Царьградом и венчание в Св. Софии в качестве императора ромеев и вселенского царя. К этой цели стремились всю жизнь болгарский царь Симеон и сербский царь Стефан Душан, которые, действительно, были чрезвычайно близки к созданию под своим скипетром единой балканской греко-славянской державы. И вот на фоне этих честолюбивых устремлений поражает отсутствие всякой амбициозности у русских правителей. Историкам приходится сейчас гадать, какой титул носил Владимир Святославич: «великий князь», «*βασιλευων*», «каган»? Русские летописи, отражавшие наше политическое самосознание, не придавали этому важного значения. Однако вхождение в православное сообщество не осталось для Руси бесследным, его политическая идеология оказалась глубоко усвоенной русским сознанием, — это проявится потом, когда логика исторических событий приведет к тому, что правитель Московского княжества окажется единственным православным государем и православные Востока в соответствии с византийской традицией признают себя его подданными. Помимо своей воли Московский князь станет Вселенским царем, а Москва — третьим Римом. Вектор русских политических интересов останется прежним, но как изменится характер этой политики по сравнению с языческим прошлым! Ее главным смыслом, ее пафосом станет покровительство единоверным народам, покровительство бескорыстное и самоотверженное. Достаточно привести пример Крымской войны прошлого века, в которую Россия вступила, защищая интересы православных в Палестине, где у нее, в отличие от западных держав, преследовавших вполне определенные материальные цели, не было ни торгово-экономических, ни стратегических интересов.

Крещение Руси изменило характер ее отношений с братскими славянскими народами. Можно сказать, что сознание славянского единства возникло вместе с христианизацией. Лишь оказавшись спаянным единой верой и культурой, единым богослужebным и литературным языком, огромный славянский мир смог осознать свое единство и общность интересов. Нет нужды говорить, какое воздействие это оказало на внешнюю политику Русского государства.

Летописные свидетельства о выборе Владимиром веры, несмотря на их легендарный характер, имеют рациональное зерно. 1000 лет назад Русь действительно находилась перед великим историческим выбором. И тот выбор, который она сделала (сделала сама — он ей не был навязан, как многим другим народам), был обусловлен всем предшествующим ее развитием. Это касается не только того, что она предпочла христианство иудаизму и исламу, но и предпочла восточное христианство западному. Последнее объясняется не наличием каких-либо антипатий к Западной Европе — их не было и не могло быть (вплоть до XIII века оттуда ничего не угрожало), — а иной направленностью всего комплекса ее интересов. Да, на Запад время от времени отправлялись русские посольства, а русские принцессы становились женами западных королей, широкие торговые отношения с Северной Европой поддерживал Новгород, и все же основной поток обмена идеями и людьми в те-

чение веков и тысячелетий шел для Руси и восточного славянства в другом направлении.

Нередко высказывается мысль, что принятие Русью христианства от Византии имело негативные последствия для нашей страны и для Европы в целом, поскольку привело в дальнейшем к расколу последней. Не будем, однако, забывать, что в 988 г. русский народ стал частью Вселенской Единой Святой Соборной Апостольской Церкви. Роковое разделение Церквей, которое провело идеологический барьер между Западом и Востоком, произошло позднее. Но и оно, затронув сферу идей, не задело глубинных чувств народа. Более серьезные травмы ему нанесла начавшаяся в XIII столетии идеологическая и военно-политическая экспансия Запада.

Не будем, однако, сожалеть о том, что Русское государство, в силу исторического выбора, сделанного 1000 лет назад, не оказалось вовлеченным в европейскую политику вплоть до XVIII века. Это дало ему возможность сосредоточить свое внимание на Востоке, откуда для него исходила главная угроза и где находились основные природные ресурсы, необходимые для дальнейшего развития нации и государства. Вспомним Византию, которую погубила неподвижная идея возвращения на Запад, недооценка значения богатых восточных провинций и восточной угрозы.

Если мы взглянем на современную западную границу нашей страны, то увидим, что она практически совпадает с границей Древнерусского государства. Его расширение шло в восточном направлении. Оно началось еще в домонгольский период. Татарское нашествие задержало его, но остановить не могло. После разгрома Золотой Орды и свержения иноземного ига падение казанского и астраханского ханств как эпицентров потенциальной угрозы было предрешиено. Дальнейшее продвижение России на Восток шло мирным путем. Его обеспечивал не военный, а духовный и нравственный потенциал русского народа. И вот эта черта, пожалуй,— самый главный результат воздействия на внешнюю политику Русского государства великого события, 1000-летнюю годовщину которого мы скоро будем отмечать.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, с. 473.
- ² В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 75.
- ³ Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян. М., 1981. См. разбор текста XII века «Слово святого Григория (Богословца) изобретено в толщех о том, како първое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» в первой главе указ. соч.
- ⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч.
- ⁵ ПВЛ. М., 1950, ч. 1, с. 27.
- ⁶ Там же.
- ⁷ De ceremoniis, p. 651.
- ⁸ А. Н. Сахаров. Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с. 250.
- ⁹ В. Т. Пашуто. Указ. соч., с. 37.
- ¹⁰ А. Н. Сахаров. Указ. соч., с. 123.
- ¹¹ Там же, с. 248.
- ¹² См.: А. Н. Сахаров. Дипломатия Святослава. М., 1982.
- ¹³ ПВЛ, ч. 1, с. 48.
- ¹⁴ Там же, с. 34.
- ¹⁵ Leo Diac, p. 77.

¹⁶ См.: А. Н. Сахаров. Дипломатия Святослава, с. 171; М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией, с. 117—119; П. Мутафчиев. Русско-болгарские отношения при Святославе. *Seminarium Kondakovianum*, IV. Prague, 1931, с. 80.

¹⁷ *Leo Diaс*, p. 78.

¹⁸ В. Г. Васильевский. Труды. СПб., 1908, т. I, с. 306.

¹⁹ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения в IX—XIII вв.—ВДИ, № 3, 1939, с. 104.

²⁰ «Русские летописи», с. 48; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 367.

²¹ Будовиц И. У. Об исторических построениях М. Д. Приселкова.—Исторические записки, 1950, № 35, с. 207.

²² Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 393.

²³ См. М. Д. Приселков. Указ. соч.

²⁴ Scilitzes—Cedreni, ed. Bonn, с. II, p. 478—479.

²⁵ Там же.

²⁶ М. В. Левченко. Указ. соч., с. 397.

²⁷ Например, М. В. Левченко и М. Д. Приселков.

²⁸ Русско-византийские церковно-политические отношения.—История СССР, 1970, 3, с. 118.

²⁹ *De ceremoniis*, p. 690.
